

Полугрузинка, полурусская (по матери — Георгадзе, по отцу — Косорукова), она родилась в Москве в 1966 году, а умерла в Нью-Йорке в 2006. Ей только-только исполнилось 40 лет.

Выпускница Литинститута (поэтический семинар Евгения Винокурова), она уехала из России совсем молодой, жила в Тбилиси, переводила грузинских поэтов. Когда в Грузии начались беспорядки и жить там стало не только опасно, но и попросту неприятно, отправилась в Нью-Йорк, где тоже переводила и, кажется, вовсе не стихи. Жила по принципу *«птицы небесные не сеют и не жнут»*, питалась, по-моему, только кофе и сигаретами «Мальборо», что, скорее всего, и стало причиной её преждевременной смерти.

Я встречался с Мариной в Тбилиси и в Нью-Йорке и ни одного раза в Москве, что — тоже показательно. Она была ослепительно красива!словно сошедшая с холста. И при этом — до такой степени наивна и беспомощна в бытовом и просто в жизненном отношении, что у меня это вызывало даже злость. *«Что ты тут делаешь?»* — спрашивал я её в Нью-Йорке, где они со своей подругой-эмигранткой Лялей приютили меня. — *«Кому ты тут нужна?»* *«Просто живу, —* беспечно отвечала она. — *Жить можно только в Тбилиси или в Нью-Йорке».* *«А зачем?»* *«Просто жить».* *«В Москве — нет?»* Поморщилась.

Впрочем, я был с ней почти согласен. На дворе стояли 90-е годы. В столице как грибы росли «комки»

(коммерческие киоски). Вчерашние врачи, учителя, инженеры превращались в «челноков», то есть, попросту говоря, спекулянтов. Писатели торговали своими книгами в подземных переходах, чтобы купить себе что-нибудь поесть. Если это называется НЭПом — я больше не хочу НЭПа.

Поэт имеет право жить как он хочет. Если не мешает жить другим. Это аксиома. Поэты часто умирают рано — это печальная правда. От поэтов нельзя требовать, чтобы они приносили обществу пользу. Это задача и долг других людей, которые, наверное, в сто раз лучше поэтов, но не умеют писать стихи.

Если мы полистаем мартиролог больших русских поэтов, то увидим, что многие из них умирали, погибали, не дожив сорокалетия, а то и тридцатилетия: Пушкин, Лермонтов, Веневитинов, Надсон, Гумилёв, Есенин, Маяковский, Павел Васильев... Александр Блок перешагнул сорокалетний рубеж и умер, как бы спохватившись. Жизнь Мандельштама после сорока — это непрерывная череда мучений. То же и Цветаева. На Ахматову на склоне лет смотрели как на чудо, как на посланца неведомой цивилизации, как на исключение из правил: вот, не должно быть, а почему-то есть.

Ранние смерти поэтов — как гибель ласточек. Некоторые из них прилетают слишком рано после зимы и замерзают. Их жалко, но они должны прилетать, потому что иначе нельзя определить температурный рубеж, после которого прилетать можно. Так, наверное, происходит и с осенним отлётом: кто-то не должен успеть улететь, а иначе — как определить «последний срок»?

В Тбилиси она курила на улицах, в кофейнях, где угодно. В одиночку купалась в каком-то парке. Не знаю, как сейчас, но тогда в Тбилиси делать это было категорически нельзя — молодой женщине нельзя. Кавказ всё-таки. Она плевала

на табу. Порой, может быть, в силу своей внешности, казалась даже какой-то заносчивой и высокомерной. Но часто, слишком часто проскальзывали в ней девчоночьи жесты, интонации. Московская девчонка, без руля без ветрил, помешанная на поэзии. И ещё — на Грузии, которая, как я понял, представлялась ей в советское время как бы культурной альтернативой «совковой» России. Здесь — Тициан Табидзе, культ Пастернака, там — цензура и засилье поэтов-«деревенщиков». Я думаю, что и Нью-Йорк представлялся Марине альтернативой России, из которой она уехала в начале 90-х, России «дикой», «варварской». Американский культ денег и потребления её ведь не касался, я же сказал: жила как птица небесная. Да и Нью-Йорк, Манхэттен — не Америка, там есть всё что душе угодно, кроме Америки, настоящей Америки.

По этой Америке мы промчались на машине Ляли до Ниагарского водопада. Поездка была сумасшедшей, нужно было обернуться в два дня, чтобы мне успеть на обратный самолет. Сначала я беспокоился. Марина сказала, улыбаясь своей чудесной улыбкой: «Не бойся! Если ты опоздаешь, тебя посадят на другой самолёт. Кому ты здесь нужен?» Ночевали в каком-то мотеле, втроем на широченной кровати, пили виски и дешёвое местное вино. Купались в ледяном Онтарио. Никогда в жизни я больше не чувствовал себя до такой степени свободным. Просто жить... Тогда я понял Марину.

И всё-таки в её внешности, при всей её живости, всегда было что-то сонное. Она как будто всегда немножко засыпала, всегда казалась как бы... невыспавшейся. Кофе они с Лялей пили, по-моему, литрами, останавливаясь где только можно было его купить, брали огромными бумажными стаканами, крепчайший.

В Грузии она была грузинкой и, если бы не вечная сигарета в руке, она сливалась бы с Тбилиси в одно целое.

В Америке она была американкой или, по крайней мере, жительницей Нью-Йорка — точно. Я не видел её в Москве, но в Москве, я уверен, она была вполне органичной москвичкой.

Где же она всё-таки прожила жизнь?!
Похоронена Марина в Москве. Дома?
А жить, Марина, непросто, непросто!